шении поставленной задачи видна зрелость мыслей автора. Развивая основные положения, составляющие содержание „Слова“, он обнаруживает попутно свое понимание сущности искусства и его отношения к действительности, что представляет для нас наибольший интерес.

Г. Д. Филимонов, издавший „Слово“, отметил совпадение заключительной фразы этого сочинения с надписью, помещенной Симоном Ушаковым на исполненной им иконе Спаса, находящейся в соборе Троице-Сергиевой лавры.[1] Такое совпадение делает очень убедительной мысль, что именно Симон Ушаков и написал „Слово“, тем более, что кто-либо иной из его современников вряд ли мог претендовать на составление и издание подобного руководства для художников. Мнение об авторстве Ушакова укрепилось в научной литературе, и мы последуем за установившейся традицией, никем не оспариваемой.[2]

Три других сочинения взаимно связаны своим происхождением.

Первое из них — записка Симеона Полоцкого, составленная на имя царя Алексея Михайловича по поводу недостатков в деле иконописания.[3] Она не издана полностью и известна по рукописному сборнику Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в котором занимает восемнадцать мелко исписанных страниц в четвертую долю листа.[4] Подробно и красочно описывая недостатки русского иконописания того времени, о которых, впрочем, постоянно говорят различные авторы и правительственные документы, Симеон Полоцкий разъясняет значение иконописания, опираясь на авторитет „отцов церкви“. В предисловии к записке изложена просьба, чтобы царь предложил собору трех патриархов, созванному в Москве по делу Никона, обсудить эту записку, поднимаемые ею вопросы о недостатках русского иконописания и выработать меры к устранению последних. Записка была составлена, следовательно, в 1667 году, когда от рассмотрения дела Никона патриархи перешли к другим вопросам устройства русской церкви, или же в начале 1668 года, если судить по дате следующего документа.

Вопросы, поднятые Симеоном Полоцким, действительно стали предметом обсуждения собора, что видно по грамоте, данной в Москве 12 мая 1668 года от имени александрийского патриарха Паисия, антиохийского патриарха Макария и московского патриарха Иоасафа. Однако собственно состоянию русского иконописания и мерам к улучшению его грамота уделяет немного внимания, говорит о том и другом лишь в конце и весьма общо. Бóльшая же часть ее занята рассуждениями об искусстве, которые образуют в целом превосходный теоретический трактат, содержащий апологию искусства. Хотя Симеон Полоцкий был не только инициатором обсуждения собором вопросов иконописания, но и принимал участие в деятельности собора, тем не менее не он был, повидимому, автором этой грамоты: настолько отличается она широтою рассуждения, подбором доводов и самым своим построением от записки Симеона.

---

[1] Там же. Примечание. — С. Ушаков умер в 1686 году.

[2] Впрочем некоторые историки древнерусского искусства ограничивали авторство Ушакова. „Судя по тяжелому [?] книжному языку, — писал Н. П. Кондаков, — Симон предоставил свои взгляды и опыты для изложения безымянному книжнику, о личности которого высказаны разные догадки“ (Н. П. Кондаков. Русская икона. Текст, ч. I. Прага, 1931, стр. 50).

[3] Л. Майков. Симеон Полоцкий о русском иконописании. СПб., 1889; его же. Симеон Полоцкий. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. (В дальнейшем приводится сокращенно — Симеон Полоцкий).

[4] Рум. № CCCLXXVI, лл. 12—20.